

делало выборы неэффективными, не способствовало реальному выражению народной воли, хотя такая цель декларировалась большевиками.

Примечания

¹ Трудовой набат. 1921. 26 авг.

² Трудовой набат. 1921. 30 авг.

³ Трудовой набат. 1921. 31 авг.

⁴ Трудовой набат. 1921. 28 авг.

⁵ Трудовой набат. 1921. 2 сент.

⁶ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 94. Л. 181; Д. 335. Л. 213.

⁷ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 94. Л. 183.

⁸ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 335. Л. 6, 214; Ф. 5. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

⁹ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 94. Л. 181; Д. 335. Л. 8.

¹⁰ ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

¹¹ Известия Тюменского губернского исполнительного комитета. 1920. 27 окт.

А.В. Сушков
(Екатеринбург)

ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1955–1962 гг.*

В конце 1955 г. первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев произвел замену первого секретаря Свердловского обкома партии: вместо А.М. Кутырева, выдвиженца партии, Г.М. Маленкова, руководителем области назначил «своего» человека — первого секретаря Днепропетровского обкома компартии А.П. Кириленко. На состоявшемся в начале 1956 г. XX съезде партии новый первый секретарь обкома А.П. Кириленко не только стал членом ЦК КПСС, но и был включен в состав новообразованного Бюро ЦК КПСС по РСФСР, руководящего партийного органа крупнейшей в СССР республике¹.

1956 г. стал серьезным испытанием для возглавлявшегося Кириленко обкома партии. Доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях», прозвучавший на XX съезде КПСС, в существенно отредактированном виде был доведен до сведения коммунистов и беспартийных, и вызвал острую реакцию в советском обществе. Студент IV курса физико-технического факультета Уральского политехнического института А.А. Немелков на комсомольской конференции института 30 октября 1956 г. заявил о том, что прописанные в Конституции демократические свободы — слова, печати, демонстраций, выборов — существуют только на бумаге, что государственный аппарат погряз в бюрократизме и волоките, и призвал развернуть критику действовавших органов власти всех уровней и повышать роль Советов. Голоса отдельных коммунистов, выступивших «с резкой отповедью клеветнических измышлений Немелкова», утонули в завязавшейся дискуссии². Руководство области и города, обеспокоенные ходом конференции, на второй день ее заседания командировали секретаря Свердловского горкома КПСС по пропаганде и агитации Б.А. Осипова, который, однако, предпочел не вмешиваться. И только после произведенной «обработки» делегатов конференции — сторонников выступления Немелкова на третий день удалось добиться нужного решения, осуждающего данное выступление. А.А. Немелков был исключен из членов ВЛКСМ «за антисоветское, антипартийное выступление на

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-83107а/У.

XVIII общеинститутской конференции ВЛКСМ, содержавшее необоснованную клевету на советскую действительность, государство, партию и народ», и отчислен из УПИ³.

Выступление А.А. Немелкова не осталось без внимания не только со стороны бюро Свердловского обкома КПСС, специально собравшегося 2 ноября 1956 г. на свое внеочередное заседание для рассмотрения хода и итогов комсомольской конференции в УПИ и принявшего специальное решение, но и Президиума ЦК КПСС, разославшего в декабре 1956 г. письмо к партийным организациям «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». В письме говорилось, что «антисоветские выступления среди молодежи» были зафиксированы в Москве, Свердловске, Каунасе, Таллине, Ереване, и в качестве примера приводилось выступление А.А. Немелкова в УПИ, поддержанное «группой демагогов», а «присутствовавшие на конференции заместитель секретаря парторганизации института т. Веселов, секретарь Кировского райкома т. Баев и секретарь Свердловского горкома партии т. Осипов заняли трусливую позицию и не дали отпора Немелкову и распоясавшимся демагогам»⁴.

Вызванный докладом Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС резонанс как внутри страны, так и в странах социалистического лагеря еще больше настроил членов Президиума ЦК КПСС против Н.С. Хрущева, его самоуправства, стремления к единоличной власти, почувствовавших, что критика И.В. Сталина в любой момент могла быть перенесена на каждого из них. В развернувшейся в высшем руководстве страны схватке за власть победу одержал Н.С. Хрущев. Кириленко в награду за существенную поддержку Хрущева в борьбе с «антипартийной группой» был утвержден кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, и стал существенно выделяться своими властными полномочиями из состава первых секретарей региональных парторганизаций. По стране прошла кампания переименования городов и других населенных пунктов, предприятий, колхозов, учреждений и организаций, носивших имена поверженных Хрущевым членов высшего руководства. В области были переименованы Молотовский и Кагановичский районы Свердловска, улицы им. Молотова и Кагановича, ряд колхозов, носивших имена этих государственных деятелей, а также Маленкова⁵.

Оппоненты Хрущева были изгнаны с политического Олимпа и назначены на нижестоящие должности: Маленков и Каганович — административно-хозяйственные, Молотов — дипломатическую. В Свердловскую область, в Асбест прибыл назначенный управляющим трестом «Союзасбест» Л.М. Каганович: соответствующее решение было принято 16 июля 1957 г. бюро Свердловского обкома КПСС, в номенклатуру которого входила эта должность⁶. Хрущев, не применивший по отношению к своим оппонентам осужденные им же самим сталинские методы физического уничтожения, не отказался от широко практиковавшихся методов политического уничтожения и травли поверженных противников. В Свердловске эту роль в основном взял на себя секретарь обкома партии по пропаганде и агитации В.А. Куроедов. Он, а также местные партийно-государственные руководители, начальники рудоуправлений, развернули на Асбестовской городской партийной конференции в октябре 1958 г. критику управляющего трестом Л.М. Кагановича «за порочные методы руководства» и «неправильное поведение». Каганович в своем вы-

ступлении без особого труда разрушил доводы критикующих и смог вызвать аплодисменты в зале, заключительное выступление В.А. Куроедова с критикой Кагановича прерывалось возгласами из зала: «Довольно!»⁷. Несмотря на развернутую Хрущевым травлю, поддерживаемую местным руководством, население собиралось толпами, чтобы увидеть живого «соратника Сталина», легендарного «железного Лазаря», люди бесконечным потоком шли к нему на прием со своими бедами и проблемами⁸.

Политические коллизии второй половины 1950-х гг. по-разному отражались на судьбах руководящих работников партийно-государственного аппарата Свердловской области. Зарекомендовавший себя в качестве непримиримого борца с любыми отступлениями от «генеральной линии партии» секретарь Свердловского обкома КПСС по пропаганде и агитации В.А. Куроедов пошел на повышение: в июле 1959 г. он был назначен редактором по отделу науки, школ и вузов и членом редколлегии газеты «Советская Россия», а в следующем году был утвержден председателем Совета по делам Русской Православной Церкви при Совмине СССР. А партийная карьера подчинявшегося ему секретаря Свердловского горкома КПСС по пропаганде и агитации Б.А. Осипова, напротив, завершилась: решением бюро обкома партии ему было указано «на неправильное поведение на XVIII комсомольской конференции УПИ им. Кирова», на неумение «дать отпор антисоветскому выпадку», и в 1957 г. Осипов был переведен на должность заместителя начальника технического управления Свердловского совнархоза⁹.

Драматичная судьба была уготована занимавшему с 1952 г. пост второго секретаря Свердловского обкома партии П.Н. Исаеву. В январе 1958 г. Павел Николаевич покинул Свердловскую область в связи с назначением первым секретарем Карагандинского обкома компартии Казахстана. Но уже спустя полтора года в связи с массовыми беспорядками рабочих на строительстве Карагандинского металлургического завода в г. Темиртау решением Президиума ЦК КПСС он был снят с должности и исключен из партии. После этого Исаев вернулся в Свердловск, однако уже в ином качестве: еще недавно занимавший второе положение в руководстве Свердловской области, Павел Николаевич в ноябре 1959 г. был принят на работу мастером термического цеха Верх-Исетского металлургического завода. В 1961 г. он был восстановлен в партии, что позволило местным органам власти подыскать ему более подходящую должность — в 1962 г. Исаев был назначен главным специалистом по металлургии Совета по координации и планированию работы совнархозов Уральского экономического района, а с 1963 г. он работал старшим экономистом Плановой комиссии Уральского экономического района¹⁰.

Массу слухов и домыслов вызвала смерть директора Уральского завода тяжелого машиностроения, члена бюро Свердловского обкома КПСС и кандидата в члены ЦК КПСС Г.Н. Глебовского. В январе 1958 г. Глебовский выехал в Москву и вскоре в Свердловск пришло известие о его кончине. Внезапная смерть многоопытного, крупного, талантливого специалиста-руководителя вызвала шок не только на заводе, но и в руководстве Свердловской области. Несмотря на то, что Глебовский жил и работал в Свердловске, похоронить его решено было на Ваганьковском кладбище в Москве, что лишь прибавило разговоров вокруг его загадочной смерти. Со временем стало известно, что смерть Глебовского носила не естественный характер, а явилась следствием суицида, но причины, побудившие к этому шагу, и обстоятельства его гибели

оставались под непроницаемой завесой тайны. Некоторая информация стала известна на Уралмашзаводе только в 1966 г., когда в Свердловск прибыла польская партийно-правительственная делегация, которую сопровождал советский посол в Польше А.Б. Аристов. Аристов в 1958 г. входил в состав высшего руководства СССР — являлся членом Президиума и секретарем ЦК КПСС, и, разумеется, знал многое. К нему и обратились с вопросом о гибели Глебовского главный инженер Уралмашзавода Н.И. Рыжков и председатель парткома завода И.И. Потапов. Аристов «дипломатично» ушел от раскрытия обстоятельств смерти директора завода, и лишь назвал виновника произошедшего, которым оказался бывший всемогущественный второй секретарь ЦК КПСС, входивший в ближайшее окружение Хрущева — А.И. Кириченко¹¹.

До сих пор нет полных и достоверных сведений о трагедии, разыгравшейся в начале 1958 г. По свидетельству бывшего второго секретаря Свердловского обкома КПСС В.И. Довгопола, по линии Комитета государственной безопасности в ЦК КПСС поступила информация о том, что Глебовский в частных беседах разглашает сведения, представлявшие, по мнению органов, государственную тайну. Глебовский был вызван «на разбор» в Москву, и 20 января 1958 г. с ним состоялась беседа недавно назначенного на должность второго секретаря ЦК КПСС А.И. Кириченко, курировавшего тяжелую промышленность СССР. Последний не только обвинил директора завода в совершении тяжкого преступления, но и незаслуженно упрекнул его в плохом руководстве предприятием. По мнению В.И. Довгопола, в действительности вина Г.Н. Глебовского если и была, то незначительной. Однако прозвучавшие из уст Кириченко обвинения были столь резки и категоричны, что директор не выдержал и, вернувшись к себе в номер гостиницы «Москва», повесился¹².

Виновность Кириченко в произошедшем была формально признана Президиумом ЦК КПСС, утвердившем опросом 30 января 1958 г. проект постановления Совета Министров СССР об обеспечении семьи Г.Н. Глебовского. Согласно данному постановлению, вдове (пожизненно) и детям (до получения высшего образования) устанавливались персональные пенсии, Свердловский горисполком обязывался предоставить семье трехкомнатную квартиру в г. Свердловске, а расходы по похоронам были отнесены за счет государства¹³.

Несмотря на периодически возникавшие политические коллизии, область в период руководства Кириленко была на хорошем счету в ЦК КПСС, резкой критике не подвергалась, и в марте 1961 г. Н.С. Хрущев прибыл в Свердловск, чтобы лично вручить ей орден Ленина¹⁴. Тем не менее, на XXII съезде КПСС Кириленко не вошел в новый состав кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС, а был утвержден лишь рядовым членом Бюро ЦК КПСС по РСФСР. По свидетельству А.И. Микояна, Хрущев просто забыл включить его фамилию в список Президиума ЦК КПСС¹⁵. Косвенно это подтверждается и тем, что в отношении А.П. Кириленко отсутствовали явные признаки опалы и каких-либо иных проявлений недовольства Хрущева, вошел Кириленко и в президиум съезда КПСС.

По воспоминаниям Н.Г. Егорычева, занимавшего в то время пост второго секретаря Московского горкома КПСС, Хрущев на одном из заседаний отметил достойное поведение Кириленко после вывода из кандидатского состава Президиума ЦК, сравнивая его с действиями Фурцевой и Мухитдинова, не явившихся после вывода из

Президиума ЦК на заключительное заседание XXII съезда¹⁶. Хрущев тогда не знал, каким «субитым» возвратился Кириленко в Свердловск после съезда: выйдя из вагона с мрачным видом и опущенной головой, первый секретарь обкома пренебрег сложившейся традицией тепло приветствовать каждого из встречавших его на вокзале местных руководителей и, заложив руки за спину, молча направился к машине. А делая доклад на ближайшем собрании Свердловского областного и городского партактива, против обыкновения старательно избегал чрезмерных восхвалений Хрущева¹⁷. Но уже спустя полгода, после того как Хрущев неожиданно решил назначить Кириленко своим первым заместителем в Бюро ЦК КПСС по РСФСР и ввести в состав полномочных членов Президиума ЦК КПСС, отношение к нему Кириленко кардинальным образом изменилось. На IV пленуме Свердловского обкома КПСС 28 апреля 1962 г. А.П. Кириленко, передавая «бразды правления» областью К.К. Николаеву, не скупился на славословия в адрес «верного ленинца», «дорогого» и «близкого» Никиты Сергеевича Хрущева¹⁸.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в период 1955–1962 гг. руководящий партийно-государственный аппарат Свердловской области являлся важным кадровым резервом для выдвижения на ответственные посты в ЦК КПСС и союзном правительстве, на руководство крупными, экономически значимыми регионами страны. Сам А.П. Кириленко был выдвинут на ключевой пост в высшем руководстве СССР. Конечно, это не означает, что один лишь факт работы во властных структурах Свердловской области предполагал дальнейшее продвижение вверх по номенклатурной лестнице: в силу разных причин некоторые руководители освобождались от занимавшихся ими постов как не справившиеся с обязанностями, что ставило крест на их дальнейшей карьере в партийно-государственной системе.

Необходимо также отметить, что не только И.В. Сталин, но и Н.С. Хрущев использовали Свердловскую область в качестве места «политической ссылки» опальных руководителей. Наиболее известным «ссылным» за указанный период времени стал бывший «кремлевский старожил» Л.М. Каганович.

Примечания

¹ Справочник партийного работника. М., 1957. С. 94, 127; Сушков А.В., Разинков С.Л. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б)–КПСС и председатели облисполкома. 1934–1991: Биографический справочник. Екатеринбург, 2003. С. 47, 50–51.

² Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Свердловская область. Документы и материалы. Т. 2. Екатеринбург, 2006. С. 365–367.

³ Общество и власть... С. 367–368, 371; Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4689. Оп. 2. Д. 11. Л. 114.

⁴ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. II. Февраль 1956 — начало 80-х годов. М., 2003. С. 212; Общество и власть... С. 370–373.

⁵ Общество и власть... С. 417.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 57. Д. 43. Л. 3.

⁷ Общество и власть... С. 434–444.

⁸ Парфенов С. «Железный Лазарь»: конец карьеры // Родина. 1990. № 2. С. 72.

⁹ Общество и власть... С. 365, 371, 373.

¹⁰ Там же. С. 206.

¹¹ Потапов И.И. У нас судьба была иная. Екатеринбург, 2002. С. 87–88; Рязков Н.И. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 570.

¹² Запись беседы автора с первым секретарем Нижнетагильского горкома КПСС в 1955–1962 гг., вторым секретарем Свердловского обкома КПСС в 1962–1966 гг. В.И. Довгополом. Сентябрь 1995 г. Личный архив автора.

¹³ Постановления Совета Министров СССР за январь 1958 г. [М., 1958]. С. 209.

¹⁴ Правда. 1961. 4 марта.

¹⁵ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 552. Л. 10–13, 17–18; Микоян А.И. Так было: Размышления о минувшем. М., 1999. С. 600.

¹⁶ Запись беседы автора с первым секретарем Московского горкома КПСС в 1962–1967 гг. Н.Г. Егорьевым. Апрель 2001 г. Личный архив автора.

¹⁷ Запись беседы автора с секретарем парторганизации ст. Свердловск Пассажирский в 1959–1962 гг. Н.М. Летучим. Март 2009 г. Личный архив автора; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 64. Д. 85. Л. 6–76.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 586. Л. 17; Ф. 5. Оп. 98. Д. 15117. Л. 68; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 65. Д. 11. Л. 2–4, 7–9.

*Н.А. Тарасова
(Нижний Тагил)*

НОМЕНКЛАТУРА КАДРОВ КАК ИНСТРУМЕНТ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ В 1970–1990 гг. (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА КПСС)

На протяжении всего советского периода отечественной истории номенклатура должностей рассматривалась как основной и главный инструмент реализации кадровой политики правящей партии.

Кадровая политика в современной литературе трактуется как в рамках теории организации и системы управления персоналом, так и в масштабах государства.

Нас интересует понятие государственной кадровой политики: «Это выражающая волю народа стратегия формирования и рационального использования трудовых ресурсов страны, система официально признанных целей, задач, приоритетов и принципов деятельности государства по регулированию кадровых процессов и отношений»¹. При этом «государственная кадровая политика понимается не только как общенациональная стратегия развития совокупного кадрового потенциала, но и как одно из направлений реализации государственной политики», которая занимает равноправное место в ряду с экономической, социальной, военной (оборонной), культурной, образовательной, информационной, правовой, экологической, молодежной, внешней политикой².

В советской литературе нет разделения в трактовках на кадровую политику организации и государственную кадровую политику, поскольку кадровая политика правящей партии в тот период времени понималась как государственная. Кроме того, она традиционно трактовалась как «определение стратегической и тактической линии, выявление научных принципов подбора, расстановки и воспитания работников, установление целей, задач, характера, направлений, форм и методов кадровой работы, требований к кадрам в конкретно-исторических условиях того или иного периода развития страны»³. Инструментом реализации кадровой политики являлась номенклатура кадров партийного комитета.

Прежде всего, следует уточнить, что мы понимаем под номенклатурой. Номенклатура (от лат. *nomenclatura*) — означает роспись имен, круг должностных лиц, назначение или утверждение которых относится к компетенции какого-либо органа⁴, список высших должностных лиц.

Представляется целесообразным проследить возникновение и использование номенклатуры как средства решения задач преобразования общества.

Практически сразу после 1917 г. партия большевиков стала правящей. Главной ее задачей стало политическое руководство процессом создания новых отношений.